

А.С. Иванов

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере спецпереселенцев-калмыков)**

Более шестидесяти лет назад прибыли на сибирскую землю, в холод и стужу, на поездах, в вагонах, непригодных для перевозки такого количества людей в зимних условиях, люди, совершенно неприспособленные к суровым сибирским морозам – жители степей – калмыки. К счастью, и сегодня участники и свидетели депортации, потомки переселенцев да и простые граждане, которым безразлична судьба десятков тысяч безвинно пострадавших в ходе высылки и расселения в Сибири калмыков, не забывают об этих скорбных событиях – в Сибирь прибывают не эшелоны спецконтингента, а «Поезда Памяти», несущие с собой воспоминания о тех трагических событиях¹. Неслучайно поэтому в историографии в последние годы все активнее поднимается вопрос о положении спецпереселенцев-калмыков в сибирской ссылке, но при этом морально-психологическая атмосфера, сложившаяся между властью и спецпереселенцами-калмыками в годы военного лихолетья, изучена недостаточно.

Исследователи, занимающиеся проблемами депортации народов, в основном анализируют сам механизм депортации, характер размещения и материально-бытовых условий прибывших спецпереселенцев, и если и подходят к анализу репрессий с правовой точки зрения, то в основном ограничиваются формальной стороной дела, занимаясь анализом правовых актов советского государства, посвященных спецпереселенцам. Вопрос взаимоотношений калмыков с местными властями на местах находит лишь фрагментарное отражение в работах историков и не исследовался целенаправленно. В данной работе на основе архивных и опубликованных источников, а также свидетельств очевидцев будет сделана попытка анализа этих взаимоотношений на примере Омской области.

Калмыки прибыли в область в результате осуществления операции «Улусы», по которой в Сибирь были выселены 92 963 калмыка². Омская область приняла 14 эшелонов³ спецпереселенцев общей численностью 27088 человек⁴.

Взаимоотношения калмыков с властями начались с того, что последние начали распространять ложные слухи о прибывающих спецпереселенцах. Ф. Надь, присутствовавший при разгрузке эшелона с калмыками на станции Исилькуль, вспоминал следующее: «Тут он (милиционер – *А.И.*) меня начал «просвещать» и такого наговорил об обстоятельствах приезда лиц калмыцкой национальности... я не могу и не хочу воспроизводить ту ахинею, что нес тогда милиционер о калмыцком народе – она оскорбительна»⁵. Спецпереселенец-калмык Борис Пахомкин, размещенный в селе Сыропятка Кормиловского района, отмечал, что перед прибытием «прошел слух, что везут выселенцев калмыков-”людоедов”»⁶.

И хотя местное население, несмотря на этот слух, неплохо встретило калмыков: в клубе их накормили картофелем и напоили чаем, подобные слухи все же возымели некоторое действие. В поселке Исилькуль (про выгрузку калмыков в котором и рассказывал Надь) возникли проблемы с расселением двух семейств; к про-

тивившимся расселению домохозяевам «были приняты меры принудительного порядка»⁷. В Калачинском районе «в отдельных колхозах отказались вселять к себе спецпереселенцев...»⁸.

В момент депортации калмыков не было определено их правовое положение и срок их высылки⁹, чем и воспользовались местные начальники. Ф. Надь вспоминал, что «несколько комсомольцев калмыцкой национальности пришли в Исилькульский комитет комсомола, чтобы стать на учет. Один из комитетчиков на них стал кричать, отобрал комсомольские билеты и выгнал»¹⁰. Уполномоченный облсовета Фотеев спрашивал у председателя областной тройки по приему и расселению спецпереселенцев Кошелева о том, «как быть с партийностью» калмыков? До выяснения членов ВКП (б) направляли в сельские партийные организации¹¹. Иногда происходили парадоксальные ситуации, когда преселенных на основании постановления Обкома ВКП (б) от 30 июля 1944 г. специально для работы в рыбной промышленности¹² калмыков увольняли директора рыбозаводов, и самое трагичное состоит в том, что при этом спецпереселенцы теряли рабочий продовольственный паек¹³ и могли рассчитывать в лучшем случае на снабжение по иждивенческой норме (300 гр.), чего было явно недостаточно¹⁴.

Выживали калмыки только благодаря местным жителям, которые имели хоть какие-то рычаги давления на власть. Одним из таких людей была учительница В. Б. Котолевец из деревни Сосновка Кормиловского района, под руководством которой проходили обучение дети из пяти калмыцких семей, размещенных в деревне. Вера Борисовна не только приложила все усилия, чтобы дать необходимые знания детям спецпереселенцев, но и благодаря своему влиянию на колхозное начальство оказывала посильную помощь. Так, однажды она узнала, что в доме переселенцев-калмыков Лактионовых почти две недели как закончились дрова, и добилась того, что вечером того же дня дрова были доставлены им на дом¹⁵. Этот случай свидетельствует не только о доброте местных жителей, но и о недостаточном желании властей помочь калмыкам. Руководство районов, иногда само того не желая, могло обострять своими неправильными действиями отношения местных жителей и калмыков. Так, в Лапчинском колхозе Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа летом 1944 г. «совершенно новую баню, построенную для колхозников националов, переоборудовали под квартиры калмыков, колхозники остались без бани. В Лобаз-Еганском колхозе т. Хохлянкину построили новый дом, но в одной половине поместили магазин рыбкоопа (через рыболовпотребкооперацию снабжались калмыки – *А.И.*), в результате семья т. Хохлянкина, которая состоит из 7 человек, занимает 12 кв. метров. Он прямо заявляет, если не уберете магазин, построю землянку и буду жить. Подобных фактов можно привести много»¹⁶.

Были зафиксированы случаи, когда местные начальники, пользуясь безпомощностью калмыков, издевались над ними, причем не только своими руками, но и руками других ссыльных. В Березовском районе был случай на одном из рыбоучастков, когда ссыльно-поселенка из Молдавской ССР, Екатерина Еленчук, подстрекаемая к этому местным жителем – бригадиром Кругловым, избивала калмыка Улицихова и даже «сбросила его с неводника». Завхоз Сосьвинского рыбозавода Петруня «так же грубо обращается со спецпереселенцами и избивал их»¹⁷. В другом документе отмечалось, что директора заводов рыбтреста «...к переселенцам калмыкам... относятся исключительно плохо»¹⁸.

Плохое отношение начальства очень часто давало о себе знать в обыденной трудовой жизни калмыков. Так, например П. Цагалинова с работы на Сургутском рыбозаводе была направлена на лесозаготовки от консервного завода из Почкуйки, оттуда ее направили на лесоучасток «Силинский остров». Заместитель директора Кудрин отобрал у нее ватный костюм, и она была вынуждена работать в одной фуфайке. А Деоджи Доржиева, работавшая на консервном заводе, была направлена

на курсы повышения квалификации. После их окончания работу ей не предоставили, она числилась безработной и не получала продуктовых и хлебных карточек¹⁹.

В плане оплаты труда калмыков так же отмечены факты дискриминации. Н. Некрич указывал на то, что средний заработок спецпереселенцев был на 20-30 % ниже среднего заработка кадровых рабочих на тех же предприятиях²⁰. Мы считаем, что и данная цифра может быть скорректирована в сторону уменьшения (по крайней мере, по отношению к калмыкам), основанием для подобного утверждения служит докладная Секретаря Ларьякского РК ВКП (б) Дубровина, в которой он отмечал, что «...если русский или другой национальности рабочий, но не калмык зарабатывает 150 руб., калмык только сто или меньше»²¹.

Бесправие родителей негативно отражалось на детях. Так, из детсада Сургутского консервного завода был исключен 5-летний Церенов лишь потому, что на нем была грязная одежда (заведующая детсадом Байкова). Неудивительно, что в результате молока он не получал²².

Калмыки иногда по несколько месяцев не видели медработников. Это приводило к тому, например, что инвалид Отечественной войны Норма Болдырев, у которого после ранения не поднималась и практически не действовала рука, один воспитывая сына после смерти жены, вынужден был носить больного ребенка на медосмотр к врачу на одной руке за 1,5 километра, так как ни один из медицинских работников в барак к нему не приходил²³.

Подобное отношение порождало не только ненависть, но и желание нажиться на беде других людей. Почву для наживы давали правительственные субсидии, в виде продовольственных фондов²⁴, скота²⁵, кредитов на строительство²⁶, выделяемые на нужды калмыков как во время войны, так и в послевоенный период²⁷. Проверкой, проведенной Назывьяевским ВКП (б) было установлено, что руководители Струнчинского совхоза и совхоза «Искра» «...встали на путь разбазаривания продфондов, так, в совхозе “Искра” 96 килограммов муки передано за тулупы, 4 цент. выдано руководящему составу совхоза... В Струнчинском совхозе т. Постенков (его глава – *А.И.*) 60 кг крупы, предназначенной для спецпереселенцев, выдал руководящему составу совхоза, в том числе себе 9 кг...»²⁸. Директор Уватского рыбозавода «самоснабжался» за счет промфондов, предназначенных для рабочих завода и калмыков, таким образом за год работы он получил 4 комплекта теплой одежды и пару сапог, 80 метров мануфактуры, со склада без карточек и нарядов им было взято 140 килограмм пшеницы, 357 кг. рыбы было списано на дегустацию. На 1 декабря 1945 года растраты и хищения директора рыбозавода вылились в 238 тыс. рублей²⁹.

Правовой статус спецпереселенцев был урегулирован лишь 8 января 1945 года, когда было принято постановление СНК «О правовом положении спецпереселенцев», в котором объявлялось, что спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением свободы передвижения, в то же время сохранялся режим спецкомендатуры³⁰.

Но и после появления постановления калмыкам было очень непросто реализовать свои, теперь уже законные, права. В постановлении от 8 января говорилось так же и об обязанности всех трудоспособных спецпереселенцев заниматься общественным трудом, но при этом не учитывались специфические факторы жизни переселенцев, такие, как плохое снабжение промтоварами в том числе обувью, это приводило к печальным инцидентам. Спецпереселенец-калмык П. М. Первеев, размещенный в Кандинском районе Ханты-Мансийского округа вспоминал: «...в колхозе был председателем Тотолин Феодосий Васильевич, главным бухгалтером – Инигин, главным животноводом – Потапов. Вот эта тройка не дала ему брони (не смотря на отсутствие обуви – *А.И.*). Отец не пошел на рыбалку. Как раз пришел катер под названием «Быстрый». На нем приехал из Сургута районный комендант Ф. Сосунов. Отца вызвали в контору... Отец не пошел, тогда они пьяные пришли на

квартиру, вытащили его из дома и поволокли в контору. Там его избивали. На другой день – увезли в Сургут, а зимой осудили за невыход на работу. Присудили 5 лет тюремного заключения»³¹.

Ответной реакцией калмыков на подобное отношение властей стали так называемые «антисоветские проявления», суть которых в основном заключалась в выражении недовольства политикой властей. Так, например, бывший прокурор Санжи Сармукин, расселенный в Исилькульском районе, говорил: «Правительство, не разобравшись, кто виновен и кто не виновен, всех без разбора калмыков переселило в Сибирь. Если мы будем жить так, как сейчас, то ни одного калмыка не останется, все погибнут»³². Власти вели строгий учет подобных проявлений, на 1 января 1945 года среди калмыков, расселенных в Тюменской, Омской, Томской, Новосибирской областях и Алтайском крае, 31,4 % от общего числа состоящих на оперативном учете (на учете состоял почти каждый 50-й взрослый спецпереселенец) проходили по окраске «антисоветские элементы». Хотя это был не самый высокий процент, среди бывших кулаков в некоторых областях он достигал 78%. За антисоветскую агитацию в Урало-Сибирском регионе было привлечено 862 человека, из них 12 % составляли калмыки³³.

Но, несмотря на невысокую долю подобных элементов, местные руководители, видимо, записали в их число практически всех спецпереселенцев-калмыков, что формировало заранее неправильное, искаженное представление. Этим, пожалуй, только и можно объяснить подобное изначальное отношение к этому народу. Но интересно и то, что и сами «антисоветские высказывания» очень часто не таили в себе реальной угрозы власти, а были лишь криками отчаяния и отнесены к «антисоветским» лишь из-за расплывчатости термина, а, следовательно, настоящие антисоветские проявления были крайне редки.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что после прибытия калмыков на территорию Омской области случаи конфликтов с местным населением очень часто провоцировались неумелыми действиями или открытой провокацией со стороны местных руководителей. Приведенные факты, как представляется, становились возможными из-за уязвимого правового положения калмыков. Конфликты не имели массового и системного характера, не зря многие спецпереселенцы-калмыки, в том числе переселенные в северные районы области, хорошо отзывались о принявшем их местном населении³⁴.

Превращение калмыков в полноправных граждан СССР проходило достаточно трудно и долго. Приведем лишь два факта. До 1953 года Омский педагогический институт окончил только 1 калмык, один калмык защитил кандидатскую диссертацию в Омске³⁵. И еще долго калмыкам пришлось смывать с себя несправедливо на них навешанный ярлык «народа-предателя». Реальное обретение ими гражданских прав началось только после 1956 года.

¹ Колчанов В. Картины – в память о годах печальных // Тюменские Известия. – 2001. – 30 апр.

² Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995. – С. 72-73.

³ ГАОО. Ф. 437. Оп 21. Д. 131. Л. 39-39 об.

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ Надь Ф. Помнит земля сибирская... // Комсомолец Калмыкии. – 1989. – 13 авг.

⁶ Пахомкин Б. Боялись нас не только вначале // Омская правда. – 1994. – 2 марта.

⁷ ГАОО. Ф. 437. Оп 21. Д. 131. Л. 33 об.

⁸ Там же. Л. 42.

⁹ Бруль В. И. Депортированные народы в Сибири (1939-1945). Сравнительный анализ // Наказанный народ.: Матер. конф. «Репрессии против российских немцев в Советском союзе в контексте национальной политики» 18-20 ноября 1998 г. – М., 1999. – С. 103.

¹⁰ Надь Ф. Указ.соч.

- ¹¹ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 33 об.
- ¹² Там же. Д. 144. Л. 142-143; ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3833. Л. 17-18.
- ¹³ Директива начальника Кондинского районного отделения Управления НКВД по Омской области Тонкова директору Нахрачинского рыбозавода Жучкову о недопустимости увольнения ссыльнопоселенцев с работы и о восстановлении уволенных на работе // Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. – Том I, кн. 1. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – С. 157.
- ¹⁴ Убушаев В. Калмыки: выселение и возвращение 1943-1957 гг. – Элиста: САНАН, 1991. – С. 65.
- ¹⁵ Боваев В. Нашли поддержку, чтобы пойти в жизнь // Нива (Кормиловка). – 1990. – 7 июля.
- ¹⁶ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 61 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 878. Л. 4.
- ¹⁸ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 231. Л. 13 об.
- ¹⁹ Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны. 1941-1945. – Екатеринбург: Издательский дом ПАКРУС, 2005. – С. 166.
- ²⁰ Некрич Н. Наказанные народы // Нева. – 1993. – № 10. – С. 264.
- ²¹ ГАСПИТО Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 1 об.
- ²² Там же. Л. 5 об.
- ²³ Там же. Л. 8.
- ²⁴ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3818. Л. 36
- ²⁵ ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 41
- ²⁶ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 8; ГАОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 143. Л. 39.
- ²⁷ ГАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 3. Л. 198.
- ²⁸ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3834. Л. 36.
- ²⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 231. Л. 40.
- ³⁰ Постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» // 40-50 годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 125-126
- ³¹ Спецпереселенцы // Югра. – 2003. – № 4. – С. 46-47.
- ³² Докладная записка комиссара внутренних дел госбезопасности СССР 1-го ранга Меркулова народному комиссару СССР генеральному комиссару госбезопасности Л. Берии о положении спецпереселенцев-калмыков в Омской области (от 18 апреля 1944 г.) // Ссылка калмыков: как это было... – С. 150.
- ³³ О характере арестов, осуществленных органами НКГБ Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. – М.; Великий Новгород, 1999. – С. 88-90.
- ³⁴ Боваев В. Указ. соч.
- ³⁵ Некрич Н. Указ. соч. – С. 265.